

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1878.

196
1878

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСѢІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Восточный вопрос и Задунайская славянина (Окончаніе) . . . . . П. Кулиша.
- Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій . . Д. Цветаева.
- Жизнь Патрика Гордона и его дневникъ.
(Продолженіе.) . . . . . А. Г. Брикнера.
- Русско-византійскіе отрывки . . . . . В. Г. Васильевскаго.
- Наша педагогическая литература . . . . Н. Колумбуса.
- Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ за 1877 годъ.
- Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (Окончаніе).
- О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи (Продолженіе.) . . . . А. И. Георгіевскаго.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки.)

МАРІЯ ВЛАДИМИРОВНА И МАГНУСЪ ДАТСКІЙ.

Печально было положеніе московскихъ княжескихъ дочерей въ XVI вѣкѣ. Ревнивый теремъ все крѣпче и крѣпче припиралъ за ними свои массивныя двери. Съ развитіемъ московской централизаціи, самостоятельныя удѣльныя князья отжили свой вѣкъ, полунезависимые бояре встали въ положеніе слугъ, прежнее юридическое понятіе „по рабѣ холопъ“ укрѣнилось. Великіе Московскіе князья разсудили, что послѣ того выдавать своихъ дочерей за „холопей“, значить—унижать себя; великимъ князьямъ подражали ихъ кровные родственники, князья одного съ ними московскаго корня: и имъ также не хотѣлось равняться съ „холопами“. Князья желали бы поискать себѣ ровню на западѣ; но это казалось дѣломъ крайней опасности для достоинства и чистоты православія. Въ свою очередь и западные принцы не на столько знали и уважали Русь, чтобы по доброй волѣ ѣхать въ нее за невѣстами. Московія казалась имъ слишкомъ отдаленною варварскою страной. Русскіе архіереи въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ клятвенно обязывались не дозволить браковъ православныхъ Русскихъ съ западными иновѣрцами¹⁾. И напрасно Писемскій, посолъ и свать Грознаго, съ необычайною настойчивостію увѣрялъ Англійскую королеву Елизавету, что „государи наши даютъ свои дочери за государей и государскихъ дѣтей“, въ подтвержденіе чего сослался на примѣръ Елены, дочери Ивана III, выданной въ 1495 г. за Польскаго короля Александра²⁾; примѣръ Елены Ивановны — лишь печальный отголо-

---

¹⁾ Акты Археогр. Эксп., I, 162; С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, VII, 90; К. А. Неволлинъ, Пет. росс. гражд. зак., I, 273—274.

²⁾ *Свѣдѣн. Архивъ* 1824 г., IV, 315: Донесенія Писемскаго о тайнохъ объясненіи его съ кор. Елизаветою касательно сватовства Маріи Гастингсъ за дѣря Ивана Васильевича.

сокъ предшествовавшей исторіи, который не только не повторился, но еще послужилъ къ разрыву Россіи съ Польшей. Словомъ, прежнія естественныя связи были сильно надорваны, новыхъ еще не сформировалось, и княжны-дочери великихъ князей и ихъ кровныхъ родственниковъ по необходимости оставались заключенными въ теремахъ, гдѣ, по старинной русской пѣснѣ, ихъ

...красно солнышко не опекетъ,
Буйные вѣтрушки не обвѣютъ,
Многіе люди не обгаятся ¹⁾.

Казалось, никто и ничто не могло освободить ихъ оттуда, развѣ стеченіе исключительныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Послѣ реформаціи кредитъ католиковъ палъ у насъ еще ниже, чѣмъ до тѣхъ поръ, и благодаря общности вражды къ католическому міру и различнымъ практическимъ расчетамъ, Русскіе стали заводить уже многозначительныя связи съ протестантами, охотно предоставляя имъ то, что въ былую пору отдавали однимъ „латинянамъ“. Тутъ-то и обнаружилось то исключительное стеченіе обстоятельствъ, которое проложило дорогу къ заключенію перваго брака между русскою княжною и принцемъ протестантскаго исповѣданія. Это случилось во время долголѣтней Ливонской войны, которую велъ царь Иванъ Грозный.

При покореніи Ливоніи Ивану Васильевичу, кромѣ мѣстныхъ жителей, пришлось вести счеты съ Польшей, Даніей и Швеціей, державами въ то время первостепенными. Вести съ ними успѣшную борьбу до конца было намъ не подъ силу, и Иванъ Васильевичъ задумалъ достигнуть подчиненія Ливоніи пока на правахъ вассальныхъ, и съ этою цѣлю предложилъ сперва Фирстенбергу, а затѣмъ Кетлеру — титулъ Ливонскаго короля. Ихъ отказъ повелъ къ тому, что Таубе и Крузе, агенты Іоанна, обратились къ Магнусу ²⁾, владѣтелю Эзеля, которому въ самыхъ радужныхъ краскахъ представили они всѣ выгоды вассальнаго подчиненія. Предложеніе агентовъ пало на добрую почву.

Юный владѣтель Эзеля находился въ положеніи далеко незавид-

¹⁾ Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, I, 187. Гаяться — гаять, сморзѣть, ухаживать, смѣяться, надѣваться.

²⁾ По свидѣтельству Крузе, будто бы даже самъ Магнусъ первоначально обратился къ нему.

номъ. Получивъ въ наслѣдство отъ отца, Датскаго короля Христана III, Шлезвигское герцогство, Магнусъ сталъ въ двусмысленныя отношенія къ старшему брату своему, королю Фридриху II, который счелъ болѣе удобнымъ взять эти земли себѣ, а герцогу въ замѣвъ ихъ купить часть отдаленной Ливоніи, епископство Эзельское и Пильтенъ, куда Магнусъ и направился (1560 г.), вмѣстѣ съ датскою дружиной и щедрыми обѣщаніями рыцарству, если оно пожелаетъ подчиниться ему. Открытымъ и уступчивымъ характеромъ, щедростью, доходившею часто до расточительности, юношескимъ пыломъ и склонностью къ веселымъ пирамъ Магнусъ дѣйствительно понравился привыкшимъ къ шумной жизни ливонскимъ дворянамъ; вскорѣ ему удалось присоединить Зонненбургъ и купить обширное епископство Ревельское. Но затѣмъ счастье не поладило съ нимъ. Своими успѣхами онъ вызвалъ энергическое противодѣйствіе со стороны своихъ соперниковъ, и они то тамъ, то сямъ начали вредить ему. Шведы даже оттерли его отъ богатаго Ревеля; а король Фридрихъ, не видя выгодъ въ содѣйствіи брату, не только почти совсѣмъ покинулъ его на произволъ судьбы, но и задумалъ еще захватить самъ Эзель въ свои руки. Борьба съ соперниками и роскошная жизнь требовали между тѣмъ отъ Магнуса непосильныхъ расходовъ. Съ цѣлю поправиться, онъ посватался за сестру Польскаго короля Анну, впоследствии жену Стефана Ваторія, и въ приданое просилъ всю Ливонію, но въ отвѣтъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ лишь ѣдкій совѣтъ—подумать прежде о томъ, куда привести свою будущую супругу.... И въ самомъ дѣлѣ, беспомощность и безсиліе Магнуса достигли того, что и съ русской стороны съ нимъ вздумали войти въ сношенія только послѣ веладицы съ Кетлеромъ. Молодой герцогъ обрадовался предложенію Ивана Васильевича, какъ нечаянной дорогой находкѣ. Ему казалось, что зависимость отъ Московскаго царя дастъ ему необходимую внѣшнюю поддержку, и быть можетъ, всю Ливонію въ руки. Чтобъ ускорить интересныя переговоры, Магнусъ самъ, не снесясь напередъ съ братомъ, отправился посильно въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, имѣвшей назначеніе прикрыть его безсиліе.

Это было въ мартѣ 1570 года, за нѣсколько дней до новгородскаго разгрома, о которомъ Магнусъ узналъ уже на пути. Молва, разнося ужасныя вѣсти, не обѣщала ничего хорошаго: говорили, что царь каждый день топить по пятисотъ человѣкъ да по тысячѣ, все-

го погубилъ 15.000, по другимъ, до 60.000 человекъ. Но ворочаться было уже поздно ¹⁾.

Въ Москвѣ хотъ и правили кровавыя поминки по новгородскомъ погромѣ, но встрѣтили Магнуса со всѣмъ почетомъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ первый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого важнаго гостя. Грозный царь прикинулся, что онъ строгъ только къ своимъ, а къ чужестранцамъ милостивъ. Ливонскіе лѣтописцы разказываютъ, какъ онъ ради своего дорогаго гостя отпустилъ изъ плѣна нѣсколько тысячъ дерптскихъ гражданъ, одарилъ всю свиту Магнуса—совѣтниковъ, дворянъ, слугъ, и задалъ ей богатый пиръ, при чемъ прямо заявилъ, что „теперь онъ любитъ Нѣмцевъ всѣмъ своимъ сердцемъ“ ²⁾. Въ то же время предупредительно выслушана была проповѣдь любимаго Магнусоваго придворнаго проповѣдника, и царь, противъ обыкновенія, даже мягко отозвался о Лютерѣ и лютеранствѣ ³⁾. Самъ герцогъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраний провозглашенъ былъ королемъ Ливоніи и въ залогъ будущаго королевства данъ ему Оберпаленъ; за церковно-религіозными и гражданскими законами Ливоніи Русскимъ царемъ признана полная неприкосновенность — въ то самое время, какъ въ Западной Европѣ шли самыя ожесточенныя религіозныя войны. Въ виду того Магнусу совсѣмъ не тяжело было присягнуть Русскому царю, и онъ торжественно призналъ его своимъ сюзереномъ. Разошедшійся на милости царь промолвилъ впрочемъ уже не въ торжественномъ собраніи,— что онъ не довольствуется однимъ высокимъ званіемъ верховнаго господина надъ новымъ Ливонскимъ королемъ, но желаетъ быть еще и родственникомъ его: вмѣстѣ съ ливонскою короной онъ предложилъ ему руку своей двоюродной племянницы ⁴⁾.

Предъ прїѣздомъ Магнуса въ Москву Грозный лишилъ жизни своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, обвинивъ его въ различныхъ измѣнническихъ замыслахъ. Отъ несчастнаго остались

¹⁾ Н. М. Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійскаго, IX; А. Richter's Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, I; Sonntag, König Magnus въ *Grave's Caritas* (Riga, 1831); К. Н. von Busse, Herzog Magnus (Leipzig. 1871).

²⁾ *Scriptores Rerum Livonicarum*, II, Russow: Bl. 70 а и в; *Henning*, Bl. 516.

³⁾ *Oderborn's Ioann. Basilidis Leben* (Gorlitz, 1596), 46.

⁴⁾ Schreiben des Herz. Ulrich; an d. Kais. Maximilian II, von 24 Septemb. 1571, у Карамзина, IX, пр. 335, и въ *Mittheil. aus d. Gebiete d. Gesch. Lit., Esth- und Kurland's*, (Riga, 1845), III, 124.

двѣ дочери—Евфимія и Марья Владиміровны, едва ли, какъ дѣти ненавистнаго брата, пользовавшіяся расположеніемъ дяди, и въ свою очередь, едва ли любившія дядю, жестокаго убійцу ихъ отца. Иванъ Васильевичъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, въ неизвѣстности; люди, даже очень близкіе къ нему, напримѣръ, Таубе и Крузе, считали ихъ убитыми вмѣстѣ съ ихъ отцомъ и матерью ¹⁾. Очень вѣроятно, что царю думалось иногда о ихъ судьбѣ; нечаянный пріѣздъ холостаго принца натолкнулъ его на счастливую мысль — выдать за этого заѣзжаго гостя старшую изъ сиротъ—Евфимію Владиміровну. Ивану Васильевичу не было нужды ни до новаго, ужь извѣстнаго намъ укоренявшагося обычая, ни до архіерейскихъ влятвъ. Нѣтъ сомнѣнія, ему казалось, что при помощи этого брака ему удастся какъ избавиться отъ части неприятной ему тягости, такъ и крѣпче прибрать къ своимъ рукамъ Магнуса и Ливонію, гдѣ положеніе Русскихъ становилось не совсѣмъ удобнымъ. Могла ли дочь Владиміра Андреевича содѣйствовать своему не любимому дядѣ? Но не въ томъ вопросъ: не въ обычай Грознаго было разбирать средства для дѣйствія. Съ другой стороны, и жениху также было не до разбора невѣсты: какую ни предложилъ бы ему царь, онъ, чтобы не оскорбить Грознаго, едва ли нашелъ бы возможнымъ отказаться. Позаботиться же о согласіи невѣсты никому, кажется, не приходило и въ голову.

Надъ брачными переговорами царица непроницаемая тѣма; по крайней мѣрѣ иначе ничѣмъ нельзя объяснить незнанія о нихъ Таубе и Крузе, которые и послѣ того преспокойно продолжали думать, что ни Евфимія Владиміровны, ни ея сестры уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Приданое обѣщано было богатое: кромѣ другихъ маловажныхъ вещей, пять бочекъ золота ²⁾. Все сложилось съ чрезвычайною быстротою и, неожиданностію. Но самые сборы къ свадьбѣ еще далеко не были кончены, а съ ливонскими дѣлами медлить было тоже нельзя, и потому бракосочетаніе отложили до болѣе благопріятнаго времени. Эта отсрочка, едва не разстроивъ всего дѣла, привела къ самымъ непредвидѣннымъ слѣдствіямъ.

Съ освобожденными плѣнными и русскимъ войскомъ Магнусъ, обласканный, ободренный, хотя, кажется, и не имѣвшій случая видѣть

¹⁾ Sendschreiben an Gotthard Kettler von I. Taube und El. Kruse, 1575 г., въ *F. Ewers Beitr. zur Kenntniss Russlands*, I, 168.

²⁾ *Oderborn*, 39; *Mittheil. aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-, Esth-und Kurlands*, 124.

свою невѣсту, отправился въ обратный путь, въ Ливонію, гдѣ провозгласилъ объединеніе всѣхъ орденскихъ земель подъ своею королевскою властью, какъ вѣрнѣйшее средство для страны—освободиться отъ всѣхъ терзавшихъ ее невзгодъ, и отъ многихъ лицъ, коихъ поразила новость и привлекательность мысли, тотчасъ же получили сочувственный откликъ. Чтобы лучше осуществить широкій планъ, Магнусу очень было важно прежде всего вырвать у Шведовъ Ревель, лучший городъ Эстляндіи. Съ приобрѣтеніемъ его получался почти вѣрный ключъ къ захвату остальной Ливоніи. Не безъ надежды на успѣхъ, отчасти подкрѣпляемой и сочувствіемъ горсти Ревельцевъ, новый король осадилъ ихъ городъ. Но у Ревеля были крѣпкія стѣны, достаточный шведскій гарнизонъ и свободный подвозъ хлѣба съ моря; при такихъ условіяхъ не могла одолѣть его храбрость русскаго войска; къ тому же потери отъ усиленныхъ приступовъ увеличивались еще возникшимъ моровымъ повѣтріемъ. Обезсиленному королю пришлось, послѣ шестимѣсячной осады, отступить (16-го марта 1571 г.) къ Оберпалену.

Неудача подъ Ревелемъ, стоившая Русскимъ громадныхъ потерь, страшно раздражила Грознаго, который не хотѣлъ и слышать о подобной развязкѣ. Между тѣмъ, почти въ то же время его извѣстили о новомъ противъ него союзѣ Фридриха Датскаго со Швеціей и о неожиданной измѣнѣ Таубе и Крузе, передавшихъ Польшѣ. Какъ теперь смотрѣть ему на Магнуса: прямодушенъ ли онъ, нѣтъ ли тутъ хитраго содѣйствія и съ его стороны? вѣдь Фридрихъ—его родной братъ, Таубе и Крузе нарочно даны ему въ главные подручники, какъ люди, бывшіе до тѣхъ поръ самыми ревнивыми защитниками московскихъ интересовъ... Естественность подозрѣній со стороны Ивана Васильевича чувствовалась и самимъ Магнусомъ, и онъ, боясь мести, поспѣшно отъѣхалъ на Эзелъ. Отошла къ отцамъ и его невѣста, Евфімія Владиміровна.

Тутъ казалось, и конецъ дружественнымъ отношеніямъ между царемъ и королевемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и конецъ затѣянной исторіи брака. Разумѣется, такъ бы и случилось, еслибы взаимные интересы не тянули болѣе другъ къ другу главныхъ дѣятелей въ этой исторіи. Но нужда въ обоюдной помощи, напротивъ, значительно у нихъ усилилась.

Союзомъ со Швеціей Фридрихъ показалъ своему брату, чего онъ можетъ ждать отъ него. Ревельцы въ свою очередь оскорбляютъ Грознаго. День снятія осады они положили праздновать каждый годъ, какъ день освобожденія отъ „московскаго тирана“, и тѣмъ, вмѣстѣ

съ горькимъ сознаниемъ тяжести потерь, возбуждаютъ въ Грозномъ чувство злобы, личную месть. И вотъ, вмѣсто того, чтобы разрывать связи, вассальный король спѣшитъ оправдаться предъ царемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта, а царь рѣшается продолжать разыгрывать роль великодушнѣйшаго изъ людей и посылаетъ Магнусу любовное письмо, въ которомъ, успокоивая его, проситъ возвратиться въ Оберпаленъ и обязательно предлагаетъ ему на прежнихъ условіяхъ руку Марья Владиміровны, младшей сестры умершей невѣсты. Магнусъ тотчасъ же соглашается; свое согласіе на этотъ бракъ шлетъ въ Москву и король Фридрихъ ¹⁾. Недолго спустя, въ знакъ царскаго довѣрія, дарится Магнусу только что отпятая у Шведовъ нашими войсками крѣпость Киркусъ. Примиреніе наступило полное.

Одно препятствіе лежало еще на пути къ совершенію бракосочетанія—война съ Швеціей, но и она, благодаря не замедлившемуся перемирію (весной 1573 г.), вскорѣ прекратилась на неопредѣленное время. На возвратномъ пути изъ Ливоніи, гдѣ Иванъ Васильевичъ провелъ послѣднюю зиму, онъ остановился въ Новгородѣ, чтобы послѣ военныхъ трудовъ найти покой и веселье.

Когда такимъ образомъ препятствія устранены, свадьбу, не откладывая далѣе, назначили въ Новгородѣ на 12-е апрѣля 1573 года. Свидѣтелями ея пришлось быть многимъ. Кромѣ возвращавшагося съ Грознымъ войска, Магнусъ прибылъ со свитой до 200 дворянъ и немалымъ количествомъ дамъ; съ невѣстой пріѣхалъ царевичъ Иванъ Ивановичъ и большое число московскихъ бояръ и боярынь ²⁾. Въ первый разъ Русскіе и Нѣмцы встрѣтились такъ близко.

Марья Владиміровна была очень миловидная дѣвочка; ей считали всего около 13 лѣтъ, а Магнусу—23 года. Спустя шесть мѣсяцевъ братъ послѣдняго писалъ о ней Мекленбургскому герцогу, что она—чистое дитя: достаточно яблока и немного сахара, чтобъ она оставалась спокойною ³⁾. Впрочемъ, бракъ въ такіе годы у насъ не былъ рѣдкостью. Стоглавымъ соборомъ (1551 г.) запрещалось выдавать замужъ лишь моложе двѣнадцати лѣтъ ⁴⁾; у западныхъ же путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, передается, что имъ часто встрѣчались молодыя

¹⁾ *Mittheil.*, III, 124; *Büsching's Magazin*, VII, 303—304.

²⁾ *Dr. Vheling's Sendung nach Nowgorod im. J. 1572*, въ *F. S. v. Bunge's Archiv*, I; *F. Nyenstädt's Livlandische Chronik*, въ *Monum. liv. antiqu.*, II, 76.

³⁾ *Mittheil.*, III, 124; VIII, 266—267.

⁴⁾ Стоглавъ, гл. XVIII.

женщины, которыя, преспокойно играя на улицѣ съ другими дѣтьми, ничѣмъ не отличались отъ своихъ маленькихъ сверстницъ, кромѣ развѣ особаго способа заплетать косу.

При наступившемъ, по обычаю, изготовленіи „свадебнаго разряда“ или „чина“, отъ составителей его потребовалось самодѣтельности значительно болѣе, чѣмъ при другихъ подобныхъ случаяхъ. Воспользоваться прежними чинами, употреблявшимися при свадьбахъ великихъ князей и ихъ родственниковъ, было нельзя: они сюда не подходили; особаго же чина для свадебъ княженъ съ иновѣрными принцами Москва еще не выработала. Съ собственно московскою княжнѣй такой случай былъ одинъ разъ, да и то назадъ тому семьдесятъ-восемь лѣтъ, въдобавокъ—на чужбинѣ, въ Вильнѣ, гдѣ Русскимъ воли не давали, и участвовать въ свадебномъ торжествѣ имъ приходилось тогда больше пассивно. Когда Елена Ивановна оставяла Москву, ея отецъ строго наказывалъ ей, чтобъ она при вѣнчаніи на вопросъ епископа о любви ея къ королевичу Александру отвѣчала: „Любь ми и не оставити ми его до живота, никоея ради болѣзни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому“. Московскіе бояре, сопровождавшіе невѣсту, въ своемъ суевѣрномъ страхѣ сильно „являли и рѣчь говорили“ жениху, что у него, великаго князя, нѣтъ „мыльни“¹⁾. Не лишено значенія и то обстоятельство, что прежде выдавали княженъ за принцевъ католическихъ, теперь же—за протестанта. Какъ ни смутно, говоря вообще, было различіе между католичествомъ и протестантствомъ въ умахъ нашихъ предковъ, все же католичество считалось ближе къ православію. Это ясно видно, напримѣръ, изъ полемики Ивана Васильевича съ пасторомъ Рокитой, которому царь, между прочимъ, прямо заявилъ, что послѣдователи „лютаго отступника“ Лютера недостойны даже названія христіанъ²⁾. Извѣстно еще, что принимавшихъ православіе протестантовъ у насъ обыкновенно перекрещивали; на католиковъ же это распространилось только съ 1620 года, подъ сильнымъ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ отношеній къ Польшѣ. То обстоятельство, что Грозный допустилъ протестантамъ пользоваться большею, сравнительно съ католиками, религіозною свободой,—ничего не доказываетъ: онъ дѣйствовалъ тутъ по расчетамъ чисто государственнымъ. Если же такъ, то какимъ же способомъ теперь было раздѣляться съ затрудненіями? Какъ устроить свадьбу съ такимъ

¹⁾ Древн. Росс. Визліовика, XIV, 1—24.

²⁾ Oderborn, 58—77; J. Lasicius, Collect. (1585), 1—184.

„еретикомъ“, за какого до сихъ поръ еще не приходилось выдавать нашихъ княженъ? Составители „разряда“ нашли, впрочемъ, исходъ довольно удобный: гдѣ дѣло касается религіи, ввели нѣкоторыя новосты, во всемъ же остальномъ послѣдовали прежнимъ образцамъ, хотя и здѣсь не обошлись безъ отступленій. Слѣдуя обычаю, выбрали тысяцкаго, дружекъ, свахъ и т. п.; невѣстѣ назначили посаженнаго отца и посаженную мать, но не видно, чтобы назначили ихъ для жениха, незамѣтно также „держальщиковъ ширинокъ“, „мыльниковъ“ и нѣкоторыхъ другихъ, — за то видимъ новую должность — „сидящихъ бояръ и боярынь“. Большая часть должностей и самыя почетнѣйшія были замѣщены Русскими.

Въ точности неизвѣстны всѣ подробности свадьбы — полнаго описанія ея до насъ не дошло; но все-таки обстоятельства этого событія можно возстановить довольно отчетливо по сохранившемуся „чину“ и нѣкоторымъ другимъ памятникамъ того времени. Въ назначенный день всѣ свадебники собрались на „царскомъ дворѣ“. Невѣсту, богато разодѣтую, окруженную ея многочисленными „чинами“, торжественно ввели въ ту комнату, гдѣ стояло приготовленное для нея и жениха „чертожное мѣсто“. На послѣднемъ лежали одинъ подлѣ другаго два сорока соболей, третій сорокъ — „опахивальный“, держаль стоявшій подлѣ дьякъ. Тотчасъ одинъ сорокъ принялъ дьякъ Пушкинъ, и на освобожденное мѣсто свахи посадили невѣсту. Рядомъ съ нею сѣлъ вошедшій женихъ. Другой сорокъ принять Яровымъ. Всѣ присутствующіе размѣстились, гдѣ кому слѣдовало. Началось обрученіе. Обручалъ и смѣнялъ кольца у невѣсты новгородскій священникъ Дмитріевской церкви, у жениха — его придворный пасторъ. По окончаніи обряда, княгиня Мстиславская, чтобы окончательно приготовить невѣсту къ вѣнчанію, разчесала ей голову, „смачивая гребень въ чарѣ съ виномъ“, надѣла на нее кичу; взявъ у дьяка Скобельцина „осыпало“ — вѣроятно, съ хмѣлемъ символомъ любви, — осыпала имъ вмѣстѣ жениха и невѣсту; и въ заключеніе, опاخнула ихъ третьимъ сорокомъ соболей. Когда все было готово, открылся свадебный поѣздъ.

Поѣздъ направился на Пробойную улицу, что на Славновѣ, къ Дмитріевской церкви. Марью Владиміровну повезли въ саняхъ, Магнусъ сѣлъ на коня. На великокняжескихъ свадьбахъ того времени женихъ обыкновенно предшествовалъ невѣстѣ, но на этотъ разъ, по уваженію къ вѣроисповѣданію невѣсты и въ видахъ удобства, первенство оставлено за Маріей Владиміровной: кажется, она ѣхала впе-

реди жениха. Вмѣстѣ съ нею сидѣли свахи; около ней толпились „оберегатели пути“—четыре князя и до тридцати боярскихъ дѣтей; обязанностью коихъ было наблюдать, чтобы никто не перешелъ путь между невѣстой и женихомъ. Къ увеличенію пышности и торжественности поѣзда, въ немъ, въ качествѣ почетныхъ „поѣзжанъ“, въ известномъ порядкѣ—„по наряду“—ѣхали нарочно выбранные 26 князей и бояръ и 15 королевскихъ дворянъ, приставшіе къ поѣзду у крыльца, гдѣ должны были дожидаться выхода и встрѣтить виновниковъ торжества, въ компатахъ же не присутствовали. Кромѣ большихъ чиновъ, виднѣлось многое множество малыхъ. Изъ послѣднихъ кто несъ фонари, кто свѣчи, короваи, скляницу, подножія, сгловья; осыпало и т. д. Одинъ изъ фонарей отличался такою величиной, что его несли два человѣка. Свѣчи были трехъ сортовъ: одна—большая, несли ее двое; другія поменьше—горѣли въ фонаряхъ; третьи, „обручальныя“—небольшія. Коровая тоже раздѣлялась на нѣсколько разрядовъ; большой коровой несли четыре человѣка. „Скляница“ (стеклянный сосудъ) была не пустая, а съ виномъ. Въ тѣ времена существовалъ при вѣнчаніи обычай выпивать жениху и невѣстѣ изъ такой скляницы сначала по разу, что изображало знакъ ихъ взаимной любви и согласія; затѣмъ женихъ, отпивъ другой разъ, бросалъ скляницу на полъ, растаптывая ее ногой, а искорки приказывалъ иногда побросать въ рѣку: послѣднее означало, что онъ желаетъ подобной участи всякому, кто посѣялъ бы раздоръ между нимъ и невѣстой. Къ концу XVII вѣка обычай попирать скляницу пошатнулся; нѣкоторые стали ее отсылать прямо въ алтарь, и съ тѣхъ поръ получилъ свое начало современный намъ обычай пить три раза изъ одной, постоянно находящейся въ церкви, металлической чарки. Среди другихъ, не упомянутыхъ нами, не важныхъ чиновъ заслуживаетъ вниманія „ясельничій“; тогда совершенно необходимый, но со времени Петра I не являющійся болѣе въ свадебномъ чинѣ. На немъ лежала обязанность занимать въ саняхъ невѣстينو мѣсто, когда оно порожнее. На этихъ саняхъ ясельничій обыкновенно пріѣзжалъ къ царскому крыльцу и дожидался выхода невѣсты; едва появлялась она, онъ выѣзжалъ и сопровождалъ потомъ поѣздъ до самой церкви; гдѣ, по уходѣ невѣсты, опять садился на ея мѣсто и снова оставлялъ его, когда невѣста возвращалась послѣ вѣнчанія; дошедши обратно за поѣздомъ до крыльца, въ тѣхъ же саняхъ онъ преспокойно возвращался во свояси на великокняжескій дворъ. У Маріи Владиміровны должность ясельничаго исполнялъ Облясъ Яровъ.

Предъ церковнымъ входомъ брачной четѣ постлали большой красный коверъ, честь, пріятно поразившая иностранцевъ, по незнакому русскихъ обычаевъ, принявшихъ это за знакъ особеннаго уваженія къ Магнусу; другой коверъ и два сорока соболей были разостланы по паперти и церкви. По нимъ православная невѣста торжественно вошла въ самую церковь, а женихъ на паперть, — далѣе идти ему не дозволили: вѣнчальный обрядъ надъ нимъ, какъ протестантомъ, долженъ былъ совершиться здѣсь. На лѣвой сторонѣ отъ княжны видѣлись чины съ короваемъ, свѣчами и фонаремъ, съ тѣми же принадлежностями стали и близъ жениха. Какъ расположились остальные присутствующіе, и впустили ли въ церковь протестантовъ — неизвѣстно. Вообще послѣднимъ, изъ той предосторожности, чтобъ отъ нихъ, какъ „нечистыхъ“, „нехристей“, не осквернился православный храмъ, входъ въ наши церкви, строго воспрещался, и ни изъ чего не видно, чтобъ и на этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, хотя бы то для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, наступилъ и давно ожидаемый и по нѣкоторымъ своимъ частностямъ единственный въ нашей исторіи вѣнчальный обрядъ. О предшествовавшемъ ему бракосочетаніи Елены Ивановны съ Александромъ Польскимъ лѣтописецъ говоритъ такъ: „Въ лѣто 7003... февраля въ 15 вѣнчана ихъ въ Станиславѣ въ римскаго закона церкви бискупъ (епископъ) Виленскій по латынски, а великаго князя пошъ Тома по греческому закону единъ“¹⁾. Какъ бы въ подражаніе этой формѣ бракосочетанія, но еще съ большею долей рѣзкости, теперь устроили такъ, что въ то время, какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ въ церкви княжну по православному чиноположенію, на паперти, гдѣ все еще стоялъ принцъ, его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ. Въ такомъ видѣ совершился первый бракъ нашей русской православной княжнѣ съ протестантскимъ принцемъ, бракъ, послужившій крѣпкимъ основаніемъ для подобныхъ послѣдующихъ. Петръ I и Теофанъ Прокоповичъ ссылались на него, какъ на законное историческое основаніе. Своею оригинальною формою далеко превосходя своихъ предшественниковъ, онъ рѣзко отличается и отъ послѣдующихъ. Второй подобный бракъ нашей княжны; состоявшійся во времена Петра Великаго, былъ совершенъ однимъ православнымъ духовнымъ лицомъ, и притомъ въ пра-

¹⁾ П. О. Р. Летопись, IV, 165; VIII, 229; *Русскій Зритель* 1828 г., II, V—VI; Поездка Елены Ивановны въ Вильно.

вославной церкви. По окончаніи вѣчанія, когда новобрачные выходили изъ храма на улицу, ихъ, по русскому обычаю, осыпали

Отъ церкви поѣздъ въ прежнемъ порядкѣ направился къ государеву дворцу. Здѣсь открылся пиръ на славу. Пировали всѣ вмѣстѣ—и Русскіе, и иностранцы, но первые сидѣли выше послѣднихъ. Изъ русскихъ боярынь „большое мѣсто“ занимала жена перекрещеннаго татарскаго царевича Михаила Камбуловича, а противъ нея сидѣлъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда, мѣшались вмѣстѣ съ иноземными. Гости разбушевались. Въ представленіяхъ, пляскахъ и пр. они, по словамъ одного изъ ливонскихъ лѣтописцевъ, дошли до такихъ безобразій, какихъ не испорченнымъ глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть, ни слышать. На общей радости развеселился и царь Иванъ Васильевичъ. Не горазднѣй въ пляскѣ, но большой охотникъ до пѣнія, онъ взялъ собралъ маленькихъ послушниковъ и запѣлъ съ ними символъ Аванасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, навзгустъ, и маленькіе товарищи не могли поспѣть за нимъ по книгѣ. Это его сердило, и когда они сбивались и отставали, онъ до крови билъ ихъ своимъ тяжелымъ посохомъ, которымъ регентовалъ. Нѣмецкіе ученые, случившіеся тутъ, видно, мало принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и однимъ русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетникомъ, завязался сильный религіозный споръ, при чемъ игуменъ выказалъ желѣзную неуступчивость, чѣмъ очень не поправился иноземцамъ; отголосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣшкахъ надъ нимъ ливонскаго лѣтописца.

На ночь молодыхъ отвели въ опочивальню, приготовленную въ одномъ деревянномъ домѣ. Въ прихожей помѣстилось нѣсколько знатныхъ пожилыхъ женщинъ. Около дома ѣздило двое сильныхъ дворецкихъ, на обязанности коихъ лежало охранять покой новобрачныхъ, подъ угрозой смерти не пускать въ домъ никого, хотя бы то былъ царевичъ. По утру царь надѣлилъ молодыхъ богатыми мѣховыми шубами. Пированье продолжалось нѣсколько дней ¹⁾.

Свадьбу сыграли, пришло время расчета. Магнусъ мечталъ о бо-

¹⁾ *Висліооика*, XIII, 97—103; *И. П. Сахарова*, Сказанія Русскаго народа, II, 65—66; *Nyestädt*, S. 76; *Henning*, Bl. 55 а и. 6; *Ruzsov*, Bl. 82 6, *D. P. Buchau*, *Moscoviae ortus et progressus* (Gubensae, 1679), 222—225. Все эти документы, нужно замѣтить, отличаются крайнею неполнотою и по мѣстамъ неопредѣленностью; многіе изъ деталей по нимъ окончательно нельзя реставрировать, многочисленными же намеками ихъ можно пользоваться только при снесеніи ихъ съ извѣстіями о другихъ княжескихъ свадьбахъ той эпохи.

гатовъ приданомъ. Онъ надѣялся, что получить обѣщанныя царемъ бочки золота, всѣ завоеванныя Русскими земли и будетъ жить со своею молодою женою въ довольствѣ, припѣваючи.

Но у Грознаго царя были свои виды; простой расчетъ подсказывалъ ему теперь, что гораздо лучше пока попридержать, постѣснить Магнуса. Недавніе измѣнническіе побѣги Таубе, Крузе, Фаренсбахъ и другихъ иноземцевъ научили Грознаго осторожности. Превжній обычай хвалиться своимъ необычайнымъ довѣріемъ къ иностранцамъ онъ ужъ оставилъ; Федингу, послу Меклембургскаго герцога, онъ сказалъ около этого времени: „Нѣмцы мнѣ извѣрились“ ¹⁾. Не удивительно послѣ того, что на требованіе королевича онъ отвѣтилъ приблизительно такъ: „Король Магнусъ! Отправляйся съ своею супругой въ данный тебѣ Оберпаленъ и Каркусъ. Мы хотѣли-было теперь же, согласно нашему обѣщанію, препоручить тебѣ и другіе ливонскіе города, вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ и деньгами; но вспомнили ино-странцевъ, прежде служившихъ у насъ и осыпанныхъ нашими милостями, а потомъ измѣннически оставившихъ насъ... Ты,—королевской крови, и мы знаемъ, что такіе лучше сдерживаютъ свое слово, но ты—человѣкъ. Если дадимъ тебѣ деньги и прибавимъ крѣпостей, ты можешь обезопасить свои границы, измѣнить намъ, нашими же деньгами нанять войско, и тогда мы будемъ принуждены добывать крѣпости свою же кровію! Нѣтъ, мы лучше теперь не отпустимъ приданнаго съ тобою и замковъ болѣе не уступимъ, но ты вскорѣ узнаешь нашу милость, когда мы увидимъ, какъ ты считаешь насъ“ ²⁾. Въмѣсто всего обѣщаннаго Иванъ Васильевичъ прислалъ Магнусу нѣсколько сундуковъ съ жепиною одеждою.

Дѣлать нечего, обманутая въ своихъ надеждахъ новобрачная чета отправилась въ Каркусъ и затѣмъ въ Оберпаленъ—дѣлать свое незавидное житье-бытье. Въ одномъ Оберпаленѣ принадлежало ей до тысячи крестьянъ; жить бы еще можно было, пожалуй, не особенно бѣдно, еслибы чета была попрактичнѣе; жена была не хозяйка и совершенное дитя, а супругъ — довѣрчивый, до расточительности щедрый юноша. Вскорѣ онъ раздарилъ своимъ придворнымъ почти всѣхъ крестьянъ и оставилъ себѣ только около пятидесяти душъ. Четѣ постигла бѣдность. По словамъ Фридриха, столъ ея состоялъ всего

¹⁾ *Bunge*, I, 324.

²⁾ *Mittheil.*, VIII, 277—278.

изъ трехъ блюдъ, а иногда и изъ одного. Слуги изощряли надъ господами свое остроуміе:

На смотря на бѣдность, во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ не замѣчалось серьезныхъ непріятностей. Марья Владиміровна вѣднѣ подчинилась вліянію своего мужа; добрый и рыцарски честный, хотя и не обладавшій твердымъ характеромъ, Магнусъ не хотѣлъ злоупотреблять ея довѣріемъ и совсѣмъ не желалъ вымещать на ней свои неудачи предъ ея дядей. Она пришла съ православными вѣрованіями и русскою угловатостью; религіозныя убѣжденія ея онъ оставилъ въ покоѣ, и взялся преобразовать лишь одну ея внѣшность. Ливонскія дамы славились своею красотой, граціей, изяществомъ манеръ; Магнусу, какъ молодому королю, естественнo желалось, чтобы и его жена ни въ чемъ не уступала имъ. Ея платья перешли оны по современной западной модѣ, пріучалъ ее къ пѣмецкимъ манерамъ и обычаямъ. Это не понравилось Русскимъ людямъ и показалось имъ чуть не обращеніемъ отъ православія. Между тѣмъ средства окончательно изсякали. Магнусъ обратился къ Грозному за деньгами; но тотъ прислалъ ему крупный выговоръ за растрату вѣреннаго имущества и за перекрой платья ¹⁾.

Кромѣ безденежья, чету безпокоили и внѣшніе враги. И прежде воинственные сосѣди посматривали на Магнуса плохо, а теперь, послѣ того какъ онъ сталъ вассаломъ и родственникомъ Грознаго, начали отнестись къ нему еще враждебнѣе. Враги Ивана Васильевича превратились въ его собственныхъ. Польскій гарнизонъ, засѣвшій въ Перновѣ, то и дѣло совершалъ хищническіе набѣги на его владѣнія; Шведы грозили ему съ сѣвера, тамъ опять шла русско-шведская война. Четѣ приходилось подумать о себѣ посерьезнѣе. Магнусъ рѣшилъ добиваться у Грознаго позволенія принять главное начальство надъ русскимъ, воевавшимъ въ Ливоніи, войскомъ, въ чемъ и успѣлъ. Но едва отправился онъ къ войску, какъ Шведы, пользуясь его отсутствіемъ, разорили у него Оберпаленъ. Марья Владиміровна принуждена была переселиться въ Каркусъ. Здѣсь она жила потомъ почти постоянно. При ней, кромѣ Ливонцевъ, находилась небольшая кучка Русскихъ людей. Самымъ любимымъ ея занятіемъ, значительно умѣрившимъ горечь разлуки съ мужемъ, было заботливое попеченіе о двухъ малюткахъ-пріемышакъ, оставшихся круглыми сиротами послѣ одного

¹⁾ *Mittheil.*, VIII, 276—277; *Döbner's König Magnus und Zaar Ivan Wassiliewitsch II* въ *Rigascher Almanach* für 1869.

знатнаго, трагически-погибшаго ливонскаго семейства. Магнусъ лишь изрѣдка могъ навѣщать свою молодую супругу.

Съ десяти тысячнымъ войскомъ подступилъ онъ въ началѣ 1575 года къ Ревелю. Ревель не сдался. Раздосадованный Магнусъ, жестоко опустошивъ окрестности и оставивъ подъ городомъ русское войско, отправился на дальнѣйшія завоеванія съ одною своею нѣмецкою дружиной. Ему сдались Гелметъ, Эрмесъ и Рюгенъ. Главнымъ мѣстопробываніемъ своимъ онъ выбралъ Гелметъ, откуда, какъ изъ центрального пункта между Каркусомъ и Дерптомъ, — ему удобно было и навѣщать жену; и сноситься съ русскими воеводами, которые въ это время тоже очень счастливо вели свои военныя дѣйствія ¹⁾.

Едва дѣла Магнуса на сѣверѣ стали поправляться, какъ онъ почувствовалъ себя ужаленнымъ съ противоположной стороны. Случились обстоятельства, произведшія неожиданный переворотъ. Постепенно осложняясь, они разрушили все, съ такими заботами и пожертвованіями взлелѣянное Магнусомъ, дѣло — основать самостоятельное Ливонское королевство подъ номинальною зависимою отъ Московскаго царя, а самого Магнуса довели до жалкаго ничтожества.

Въ маѣ 1576 года вступилъ на польскій престолъ знаменитый своими военными талантами Стефанъ Ваторій. Ливонскія силы встрепенулись. Магнусу тотчасъ стала грозить опасность потерять Пильтенъ, это коренное его владѣніе. Какъ ни трудился онъ, его Ливонское королевство все еще ограничивалось нѣсколькими городами и не достигало желанной безопасности. Грозный могъ всегда по своей волѣ взять у него тотъ или другой городъ; Фридрихъ Датскій безцеремонно наложилъ свою руку на Эзель и удерживалъ его за собою; Шведы крѣпились, не уступали ему дорогаго Ревеля, грозили новыми походами. Потому совершенно естественно, что Магнусъ очень дорожилъ Пильтеномъ и считалъ его надежнѣйшимъ якоремъ при возможныхъ случайностяхъ. Вдругъ онъ узналъ ²⁾, что и на это владѣніе курляндскіе дворяне, ободренные силою новаго короля, заявили свои неумѣстныя притязанія и начали вторгаться сюда съ военною силою. Своевременными походами онъ снѣшилъ отразить Курляндцевъ; тѣмъ не менѣе ему ясно представился вопросъ — что станетъ съ нимъ, если дворяне не теперь, такъ послѣ отнимутъ у него Пильтенъ. Успѣхъ ихъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что за ними стоялъ Сте-

¹⁾ *Russon*, Bl. 896, 906—91 a; *Hening*, 566.

²⁾ *Hening*, Bl. 60 a.

фанъ Баторій, съ которымъ ему и Грозному было сладить не легко; и что Эстляндцы, какъ нарочно, успѣли къ этому времени воротить себѣ счастье и опрокинули нѣкоторыхъ русскихъ воеводъ.

Между тѣмъ открылся новый, третій русскій походъ противъ Ревеля. Мы уже имѣли случай замѣтить, какую важную роль игралъ тогда этотъ городъ, и видѣли, какъ усиленно всегда добивался его Магнусъ. Естественно, что и теперь, едва слышавъ о новомъ движеніи Москвитянъ, онъ послалъ ¹⁾ сказать горожанамъ ревельскимъ, чтобъ они, если желаютъ спасти свой городъ отъ разоренія, прислали ему. Граждане положили защищаться. Русскіе осадили (въ январѣ 1577 г.) городъ, и хотя они по обыкновенію не взяли его; но такъ какъ они не пригласили къ себѣ Магнуса, то послѣднему стало ясно, куда клонится дѣло. Магнусъ повялъ, что еслибы Русскіе и взяли городъ, они не отдали бы его ему; а безъ Ревеля, какъ ему быть? Вѣдь безъ него Ливонское королевство никогда не можетъ ни образоваться, ни тѣмъ болѣе упрочиться.

Тутъ, конечно, припомнилась Магнусу вся исторія отношеній къ нему царя Ивана Васильевича, припомнилось, какъ царь ласкалъ его, когда онъ былъ еще свободенъ, и какъ сжималъ, обманывалъ, не сдерживалъ своихъ обѣщаній, когда онъ былъ опутанъ. Магнусъ усумнился не только въ царскомъ расположеніи, въ увѣренности, что обѣщанія Грознаго будутъ исполнены, но и въ томъ, что онъ въ состояніи ихъ выполнить; Магнусъ увидѣлъ, какъ жестоко онъ ошибся въ расчетахъ, когда задумалъ чрезъ Грознаго добыть себѣ ливонскую корону. Оскорбленное чувство человѣческаго достоинства и боязнь за личную безопасность краснорѣчиво заговорили въ королевичѣ. Онъ обратился къ своему постоянному совѣтнику и духовнику Христіану Шрафферу, чтобъ тотъ посовѣтовалъ, какъ ему быть. Вдвоемъ они порѣшили, что нужно отложиться отъ царя. Вскорѣ Шрафферъ тайно отправился къ Курляндскому герцогу, затѣмъ къ королю Стефану съ секретнымъ предложеніемъ принять Магнуса въ вассалы. Герцогъ согласился, но Баторія не особенно обрадовало это добровольное подчиненіе. Какъ искусный политикъ, онъ хорошо сознавалъ всю ничтожность палочныхъ средствъ просителя и неудобство разрыва съ Москвою теперь, ради интересовъ Магнуса; къ московской войнѣ онъ еще только готовился. Король отвѣтилъ просителю, что было бы хорошо, еслибы онъ прежде занялъ Дерптъ или ипой

¹⁾ *Nyenstädt*, S. 77; *Russow*, Bl. 95—102.

какой-нибудь важный городъ: тогда удобнѣе можно было бѣ охранять его ¹⁾).

Эти измѣнническія сношенія, хотя и не достигшія своей цѣли, не могли пройти Магнусу даромъ. Какъ ни осторожно велись они, глухая молва о нихъ достигла до мнительнаго царя, и гроза, собиравшаяся надъ головой Магнуса, еще болѣе сгустилась.

На первыхъ порахъ впрочемъ казалось, что они принесли Магнусу пользу. Иванъ Васильевичъ, двигавшійся въ то время въ Ливонію, потребовалъ его къ себѣ во Псковъ, но впрочемъ обошелся съ нимъ довольно ласково, гораздо ласковѣе, чѣмъ можно было бѣ ожидать. Онъ даже постановилъ договоръ, по которому Венденъ и всѣ земли на востокъ отъ Аа должны были перейти во владѣніе Магнуса; чтобы завладѣть ими онъ обѣщалъ свое содѣйствіе; что же касается другихъ городовъ и мѣстечекъ, то еслибъ они захотѣли отдаться королевицѣ, Магнусъ долженъ напередъ извѣстить его и просить совѣта ²⁾. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Ивана Васильевича располагало къ такимъ рѣшеніямъ то, что онъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ свѣдѣній о сношеніяхъ Магнуса; но въ то же время важность предстоящаго дѣла — онъ шелъ теперь съ рѣшительнымъ намѣреніемъ покорить себѣ всю Ливонію — совсѣмъ не располагала его къ ссорѣ съ Магнусомъ; напротивъ того, теперь, по обстоятельствамъ казалось удобнѣе было сдѣлать ему небольшую поблажку, указать ему достижимую и выгодную цѣль.

Изъ Пскова Магнусъ отправился въ обратный путь, а Иванъ Васильевичъ, противъ всѣхъ ожиданій, что пойдетъ къ Ригѣ, повернулъ въ польскую Ливонію, засталъ ее врасплохъ, и не встрѣчая сопротивленія, побѣдоносно двинулся впередъ. Въ своей жестокости онъ не хотѣлъ знать никакихъ предѣловъ, и жители пришли въ ужасъ. Молва объ этихъ дѣйствіяхъ царя и народная паника пришли къ Магнусу лучше всякой дѣйствительной помощи: онъ невольно обратился на него взоры Ливонцевъ. Отъ Магнуса, какъ одноплеменника и единовѣрца, Ливонцамъ нельзя было ожидать подобныхъ жестокостей. Къ тому жъ онъ торжественно объявилъ имъ, что если они желаютъ освободиться отъ гибели, пусть скорѣе подчиняются ему, пѣмецко-христіанскому князю. И городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостію — Венденъ, Кокенгаузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Эрла, Воль-

¹⁾ *Dogiel*, Codex dipl. regni Poloniae, V, № CLXXII—CLXXIV.

²⁾ *Henning*, Bl. 61 b; *Russow*, 103 a; *Nyenstädt*, S. 79.

жаръ и другіе — добровольно сдались ему. Это былъ не завоевательный походъ, а скорѣе торжественное шествіе. Но неожиданное счастье, по видимому, не замедлило вскружить Магнусу голову. Ему показалось, что пришла пора осуществить его задушевную мечту, время сдѣлаться дѣйствительнымъ королемъ Ливоніи. Въ увлеченіи онъ сталъ нѣсколько самоувѣренно смотрѣть на Ивана Васильевича и мало заботился о заблаговременной доставкѣ ему свѣдѣній и о полученіи отъ него распоряженій. Между прочимъ онъ принялъ изъясненіе покорности и отъ нѣкоторыхъ такихъ городовъ, которые лежали по ту сторону Аа, но въ силу Псковскаго договора, Магнусъ не могъ этого сдѣлать, не снесясь напередъ съ Иваномъ Васильевичемъ. На эти дѣйствія, о которыхъ царь узналъ изъ постороннихъ источниковъ, онъ, и безъ того сомнѣвавшійся въ надежности Магнуса, посмотрѣлъ какъ на явное нарушеніе подданнической вѣрности. Еще болѣе убѣдился Грозный въ измѣнническихъ намѣреніяхъ Магнуса, когда около того времени получилъ отъ князя Александра Полубепскаго, воеводы Вольмара, подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Магнуса съ герцогомъ Курляндскимъ и королемъ Польскимъ.

Быстро измѣнилъ Грозный движеніе своихъ войскъ, разорилъ нѣсколько подчинившихся Магнусу укрѣпленій, приказалъ своимъ воеводамъ забирать и другія, а самъ стремительно подступилъ къ Вендену, въ которомъ находился тогда Магнусъ, и потребовалъ его къ себѣ. Магнуса ждала жестокая кара. Сопротивляться не представлялось никакой возможности; надѣяться на помощь Баторія было совершенно бесполезно; Магнусъ завелъ было предъ тѣмъ сношенія съ Ригой, но Рижане, опасаясь навлечь на себя месть Грознаго, наотрѣзъ отказались имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла. Венденъ трепеталъ за свою участь и побуждалъ Магнуса исполнить царское повелѣніе, чтобы тѣмъ спасти себя и городъ. Не съ веселыми чувствами, въ сопровожденіи двадцати-пяти человекъ свиты, подъ благовиднымъ предлогомъ личныхъ переговоровъ съ русскими воеводами, Магнусъ вышелъ за крѣпкія городскія ворота. Тамъ оцѣпила его группа русскихъ воиновъ и повела къ царю. Магнусъ зналъ суровый нравъ царя, зналъ также и то, что при настоящемъ положеніи достаточно одного гнѣвнаго царскаго слова, роковаго приказанія; чтобы въ конецъ разрушились всѣ его мечты о созданіи Ливонскаго королевства, даже чтобы лишиться ему жизни. Благородное присутствіе духа измѣнило Магнусу. Единственнымъ средствомъ спасти себя онъ счелъ униженіе. Завидя царскую палатку, у которой стоялъ Грозный съ

своими приближенными, нѣмецкій принцъ и Ливонскій король, говорятъ, палъ на колѣни и въ такомъ приниженномъ видѣ поползъ къ ней: «Съ слезами на глазахъ просилъ онъ помилованія. „И ты, презрѣнный простофиля“ (elender Thorpf), получилъ онъ въ отвѣтъ, — „смѣлъ надѣяться завладѣть Ливоніей и быть въ ней господиномъ? Не я ли тебя, когда ты бѣжалъ изъ отечества и скитался въ бѣдности, принялъ въ свой родъ, женилъ на племянницѣ, которой ты не стоилъ, обогатилъ тебя, далъ тебѣ денегъ, людей, платья, доставилъ большой почетъ, и ты смѣлъ измѣнить своему благодѣтелю? Какъ? Не нѣсколько ли разъ обвиняли тебя въ томъ, что ты домогался моей власти, и ты все-таки высокомерно презиралъ своего лучшаго друга, благодѣтеля, не говорю уже царя?.. Но очи Божіи блюли за мною, предали тебя въ мои руки, уничтожили всѣ твои козни. Потому совершенно справедливо отнимаю теперь у тебя все, что ни далъ я тебѣ по своей особенной милости“¹⁾. Царь велѣлъ засадить его самого и его свиту въ одну стоявшую неподалеку хижину, ветхую, безъ кровли, и въ ней, на голой соломѣ, они пробыли пять сутокъ; свита съ часу на часъ ожидала себѣ смерти²⁾; однако то, что Грозный сорвалъ свою досаду, и безусловная покорность Магнуса значительно смягчили его. Отъ Вендена плѣнника повезли въ Московію, но когда довели до Дерпта, царь простилъ (19-го сентября) его, возвратилъ ему почти всѣ города и королевскій титулъ, съ условіемъ выплатить 40,000 венгерскихъ гульденовъ. „Самъ происходя отъ Римскаго императора и нѣмецкой крови“, сказалъ ему Иванъ Васильевичъ, — „я уважаю въ тебѣ короля, королевскаго сына и своего родственника, и думаю, что не ты — главный виновникъ, а твой со- вѣтникъ Шрафферъ“³⁾.

Иванъ Васильевичъ когда отпускалъ Магнуса, думалъ, что сильно пригрозилъ ему, и разчитывалъ, что можетъ всегда опять, если понадобится, имѣть его въ своихъ рукахъ. Но противъ его ожиданій, они больше уже не видались другъ съ другомъ. Вытерпѣвъ предъ Грознымъ жестокое униженіе, Магнусъ долженъ былъ возненавидѣть его; понятно, по возвращеніи изъ Дерпта въ своей жепѣ въ Кар-

¹⁾ *Oderborn*, 39—40, *P. Petres' Historien u. Bericht v. d. Grossfürstentumb Muschkow*, 185.

²⁾ *Russow*, Bl. 105 а. У другихъ хронистовъ вся эта сцена разказывается впрочемъ иначе, мягче.

³⁾ *Nyenstädt*, S. 80; *Denning*, Bl. 66 b; *Russow*, Bl. 105 b.

вусь, онъ съ бѣльшимъ, чѣмъ прежде, желаніемъ сталъ дожидаться удобнаго времени, чтобъ явно измѣнить своему сюзерену.

Удобный случай не заставилъ долго ждать себя. Счастливая звѣзда Ивана Васильевича быстро клонилась къ упадку. Съ его отбѣздомъ изъ Ливоніи кончилась здѣсь слава русскаго оружія, Поляки и Шведы отбѣснили наши войска, возвращали потерянные земли. 4-го іюня 1578 года между Швеціей и Польшей былъ заключенъ миръ; это показало Магнусу, что продолжать сохранять вѣрность царю значитъ—чуть не намѣренно напередъ отказаться отъ своихъ владѣній. И прежде, когда названные два государства враждовали между собою, ему не всегда удобно было защищаться отъ нихъ, а теперь, съ взаимнымъ ихъ примиреніемъ, какъ устоять ему? Въ Магнусѣ возникла увѣренность, что теперь Баторій, какъ открывшій военныя дѣйствія противъ Москвы, не откажется принять его подъ свое покровительство. Вскорѣ Шрафферъ дѣйствительно извѣстилъ его, что король согласенъ на это. И Магнусъ, вмѣсто того, чтобы доставить Грозному обѣщанный штрафъ и поддерживать его противъ враговъ, наскоро собрался и отправился вмѣстѣ съ своею супругой подальше отъ Московіи въ Пильтенъ, а оттуда къ литовскимъ границамъ въ Баускъ, и здѣсь съ Николаемъ Радивилломъ окончательно рѣшилъ переговоры. Всѣ его владѣнія навсегда подчинились польской коронѣ, впрочемъ, безъ нарушенія прежнихъ почетныхъ правъ его брата, Датскаго короля; старшаго сына Курляндскаго герцога, принца Фридриха, Магнусъ обязывался принять въ качествѣ сына и наследника, и за все это король Стефанъ обѣщаль ему свою охрану ¹⁾.

Подчиненіемъ Польскому королю Магнусъ думалъ воспользоваться какъ подходящимъ средствомъ, чтобъ удержать за собою свои владѣнія. Но надежды его не оправдались.

Хорошо сознавая, что Магнусу не въ кому теперь болѣе прильнуть, Поляки, подъ благовиднымъ предлогомъ защиты его владѣній отъ внѣшнихъ враговъ, словно урѣзывали его во всемъ, безцеремонно стѣсняли его въ управленіи и въ болѣе или менѣе безконтрольное распоряженіе предоставили ему одинъ отдаленный Пильтенъ. Русскія войска, съ своей стороны, услыхавъ о его измѣнѣ, разрушили Оберпаленъ; Иванъ Васильевичъ уступилъ Фридриху Датскому Эзель. Политическая роль Магнуса упала до ничтожества. Новые властители вполнѣ орудовали имъ, вынуждали его вездѣ ходить на ихъ помо-

¹⁾ Cod. diplom. Polon., V, № CLXXV; Henning, Bl. 68 a.

чакъ; онъ даже пересталъ употреблять свой титулъ Ливонскаго короля. Въ послѣдній разъ съ нѣкоторымъ блескомъ Магнусъ заявилъ о себѣ въ 1580 году, когда вмѣстѣ съ Поляками опустошалъ русскія окрестности Дерпта; но это было и послѣднимъ посѣщеніемъ имъ Лифляндіи; послѣ того онъ ужь и не бывалъ въ ней. По возвращеніи въ Пильтенъ, его ждалъ семейный праздникъ—крещеніе тридцати-недѣльной дочери Евдокии. Флетчеръ передаетъ ¹⁾, что крещеніе совершили по обряду православному. На пиръ гостей собралось до 80 человекъ. Послѣ него Марья Владиміровна была отправлена въ Донгангенъ ²⁾.

Во время войны съ Россіей Поляки еще могли прикрывать различными благовидными предлогами свое вмѣшательство во внутреннія дѣла Магнусовыхъ владѣній. Въ январѣ 1582 года она прекратилась, завершившись Запольскимъ перемиріемъ, по которому Русскіе уступили имъ Ливонію. Магнусъ обратился къ Стефану, чтобы тотъ выдалъ ему деньгъ. Заручиться послѣднимъ Магнусу было выгодно въ томъ отношеніи, что онъ обезпечивалъ бы за нимъ обѣщанную безконтрольность. Проницательный король любезно отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ предварительнаго рѣшенія сейма. Сеймъ собирався въ Варшавѣ, и Магнусъ отправилъ туда своихъ уполномоченныхъ—Христіана Шраффера, Фридриха Крюмера и Вильгельма Штурца, далъ имъ подробную инструкцію и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ знатымъ панамъ. Уполномоченные добились только того, что окончательное рѣшеніе Магнусовой просьбы сеймъ отложилъ до слѣдующаго сейма ³⁾. Напрасно было бы, кажется, добавлять, что это была одна пустая отговорка. Вмѣсто обѣщаннаго рѣшенія, которое доставило бы Магнусу безконтрольность во всѣхъ его владѣніяхъ, скоро обнаружилось хитря притазаніи и на неприкосновенный дотолъ Пильтенъ ⁴⁾...

Магнусъ не въ силахъ былъ долѣе сносить огорченія. Здоровье его разстроилось раньше времени. Больнаго навѣстила Марья Владиміровна, пріѣхавшая къ нему въ Пильтенъ со своею малюткой; но и прибытіе супруги не подняло несчастнаго, и 18-го марта 1583 года, онъ скончался сорока-двухъ лѣтъ.

¹⁾ Флетчеръ, О государствѣ Русскомъ. Лондонъ. 1591.

²⁾ Henning, Bl. 706.

³⁾ Инструкція, письма и нѣкоторые другіе важнѣйшіе документы этой исторіи помѣщены въ *Mittheil.*, III, 330—343.

⁴⁾ Henning, Bl. 726—73 а и в.

Даже смерть не принесла ему желаннаго покоя: Пильтенскіе дворяне, не желая подчиняться Польшѣ и Курляндіи, старательно скрывали кончину Магнуса, чтобы тѣмъ временемъ предупредить его брата Фридриха, на сторону котораго они клонились. Когда Юрій Радивилль, губернаторъ Ливоніи, прислалъ въ Пильтень пословъ навѣдаться о достовѣрности слуховъ, ходившихъ о Магнусовой смерти, дворяне увѣрили ихъ, что онъ не помиралъ и для большей доказательности своихъ словъ на торжественномъ обѣдѣ шумно пили за его выздоровленіе. Укрывательскіе маневры вообще велись съ такимъ искусствомъ, что долго оставляли въ заблужденіи самого короля Стефана, такъ что онъ въ своемъ невѣдѣніи еще отъ 23-го апрѣля писалъ къ Радивиллю о мѣрахъ, которыя должны принять въ случаѣ смерти Магнуса. Потомъ, когда скрывать болѣе не представлялось возможности, тѣло было выставлено и похоронено въ дворцовой пильтенской киркѣ. Въ слѣдующемъ году его перевезли въ Данію: такъ передаетъ лѣтопись Руссовъ ¹⁾; по пильтенскимъ же церковнымъ книгамъ ²⁾, это случилось лишь 79 лѣтъ спустя, 5-го апрѣля 1662 года.

Большая часть современниковъ и писателей ближайшихъ къ Магнусу поколѣній не добромъ помянули несчастнаго принца. Не ограничивались тѣмъ, что чернили его дѣятельность, жизнь, характеръ, умъ, даже о внѣшности его разказывали разныя пещбилицы: такъ напримеръ, Діонисій Фабрицій, католическій писатель начала XVII вѣка изъ города Феллина, въ своей Ливонской исторіи изобразилъ его чистымъ чудовищемъ, съ однимъ глазомъ и гусиною ногою; испуганная набожная мать будто бы хотѣла бросить его въ воду, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что мать-то особенно и любила Магнуса, такъ что пока она жила, его старшій братъ Фридрихъ не осмѣливался ни явно бросить его, ни тѣмъ болѣе обижать.

Что касается сужденій о политической жизни Магнуса, то говорившіе о немъ писатели, сами принадлежа къ одной изъ современныхъ ему партій религиозныхъ или политическихъ, смотрѣли на него подъ исключительнымъ угломъ зрѣнія своихъ партій. Одни изъ нихъ не жаловали его за политическія неудачи, другіе — за то, что онъ въ некоторое время былъ солидаренъ съ Грознымъ; католики не терпѣли его за лютеранскія убѣжденія и благосклонность къ протестантамъ, и т. д. Всѣ они въ большинствѣ случаевъ не обнаружили на-

¹⁾ *Russow*, Bl. 134 а.

²⁾ *Kalmcyer*, Wo ist Herzog Magnus begraben? въ *Das Inland*, 1837, № 25.

клонности посмотрѣть на личность Магнуса спокойно, въ связи съ тѣми бурными событіями, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Вслѣдъ за современниками, и Карамзинъ, единственный изъ нашихъ историковъ, попытавшійся болѣе или менѣе ясно характеризовать Магнуса, изобразилъ его низкимъ, трусливымъ честолюбцемъ и напелъ его во всемъ виноватымъ предъ Грознымъ; но тотъ же Карамзинъ, чуткій къ исторической правдѣ, не могъ не назвать несчастнаго осужденнымъ быть удивительнымъ „игралищемъ судьбы“.

Въ свою очередь и эта послѣдняя мысль получила дальнѣйшее развитіе въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ нѣмецкихъ биографовъ Магнуса: послѣдній изъ нихъ, Буссе, всѣ неудачи Магнуса свалилъ на постороннія, не зависѣвшія отъ него обстоятельства и чрезъ то сильно затемнилъ личность своего героя, хотя, по мѣстамъ, и старался показать, что онъ видитъ въ немъ широкой, способный къ управленію умъ. По видимому, Магнусъ былъ вообще натурой болѣе цѣльною, чѣмъ обыкновенно привыкли считать его, и заслуживалъ болѣе гуманнаго отношенія, нежели съ какимъ привыкли обращаться къ нему. Въ личности Магнуса нѣтъ чего-нибудь особенно жесткаго или отвращающаго; скорѣе можно найти черты мягкія, даже симпатичныя, это былъ, какъ говорится, добрый малый, человекъ не безъ гуманныхъ свойствъ и стремленій, у котораго однако не было достаточно ни матеріальныхъ средствъ, ни практической мудрости, чтобы справиться съ гнетущими обстоятельствами. Вся жизнь его прошла между молотомъ и наковальней.

Не лучшая выпала судьба и супругѣ Магнуса, Маріѣ Владиміровнѣ. Изъ всего, оставшагося ей послѣ мужа наслѣдства самой неотъемлемою частью оказались его несчастья и безпомощность.

Король Стефанъ Баторій какъ только узналъ о вдовствѣ Маріи Владиміровны, написалъ (23-го мая 1583 года) ей на латинскомъ языкѣ письмо, въ которомъ утѣшалъ ее въ постигшемъ несчастіи и совѣтовалъ имѣть полное довѣріе къ Станиславу Косткѣ, посланному къ ней съ тайными порученіями. Если,—добавлялъ король—она пожелаетъ возвратиться въ Россію, можетъ онъ велитъ проводить ее съ надлежащимъ почтомъ, если же останется въ Ливоніи, то узнаетъ, что онъ можетъ цѣнить знатность рода и измѣнчивость обстоятельствъ ¹⁾. Не знаемъ точно, въ чемъ состояли секретныя порученія Стефана, но знаемъ, какъ выполнилъ онъ свои благородныя

¹⁾ *Mittheil.*, III, 346—347.

общанія. Мало по малу Марья Владиміровна была лишена всѣхъ своихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ и затѣмъ отправлена въ Рязскую крѣпость. На годовое содержаніе ей положено всего около тысячи талеровъ, помѣщеніе отвели тѣсное, штатъ прислуги недостаточный. Здѣсь жила она подъ строгимъ наблюденіемъ коменданта, входъ къ ней дозволялся постороннимъ лицамъ только съ разрѣшенія губернатора и кардинала Радивилла. Почетной плѣнницѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ сосредоточиться въ самой себѣ и сосредоточить всѣ свои симпатіи и заботы на находившейся при ней малюткѣ-дочери.

Среди такой безотрадной и безнадежной жизни вдругъ мелькнулъ свѣтлый лучъ, посулившій Марьѣ Владиміровнѣ счастье, богатство и свободу. Лучъ блеснулъ съ той стороны, откуда она всего менѣе, кажется, ожидала его.

Ровно чрезъ годъ послѣ смерти Магнуса скончался (18-го марта 1584 г.) его московскій сюзерень, царь Иванъ Васильевичъ. Престолъ занялъ его сынъ и троюродный братъ Марья Владиміровна, Федоръ Ивановичъ. По обнаруженной имъ неспособности къ государственному правленію, всѣми дѣлами управлялъ ловкій и честолюбивый его шуринъ Борисъ Федоровичъ Годуновъ. Какъ человѣкъ, еще только прокладывавшій себѣ дорогу и не имѣвшій подъ собою вполне твердой почвы, онъ необходимо забиралъ въ свои руки тѣхъ, кто казался ему опаснымъ. Въ своихъ рукахъ Борисъ пожелалъ имѣть и Марью Владиміровну съ ея дочерью. Прямая причина этого желанія достовѣрно неизвѣстна; современники же полагали ее: въ томъ, что вдовствующая королева и ея дочь, какъ ближайшія родственницы бездѣтнаго царя, могли считаться и ближайшими наслѣдницами престола, на который между тѣмъ уже будто бы имѣлъ самъ Борисъ. Отправляя (въ августѣ 1585 г.) отъ имени Федора Ивановича посломъ въ Англію расторопнаго Англичанина Иеронима Горсея, правитель далъ ему секретное порученіе заѣхать по пути въ Ригу, чтобы уговорить тамъ Марью Владиміровну возвратиться въ Россію. Скупиться на общанія онъ не велѣлъ. Горсей, какъ онъ увѣряетъ, не подозрѣвалъ тутъ никакихъ худыхъ мотивовъ и потому взялся за дѣло энергично. Въ Ригѣ онъ ловко вкрался въ расположеніе Радивилла и добился отъ него позволенія на доступъ къ Марьѣ Владиміровнѣ.

Русскій посолъ нашелъ ее уже далеко не тою скромною дѣвочкой, какою она выѣхала изъ Москвы навадъ тому двѣнадцать слишкомъ

лѣтъ. Марья Владиміровна была уже вѣжною, хотя и молодою особой, умѣвшею при случаѣ принять величественный видъ, при случаѣ сказать умное и ловкое слово; но при всемъ томъ она осталась все тою же добродушною Москвитянкой, женщиной, которая жила болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Когда входилъ къ ней Горсей, она расчесывала волосы своей любимой дочери, очень хорошенькой дѣвочкѣ. Последней шелъ всего пятый годъ, но Горсей далъ ей цѣлыхъ девять лѣтъ. Объ аудіенціи своей онъ разказываетъ слѣдующимъ образомъ:

На вопросъ королевы ¹⁾: что ему нужно, Горсей изъявилъ желаніе поговорить съ нею наединѣ. Она сначала посмотрѣла на него сурово и сказала, что не знаетъ его и что у нея нѣтъ особыхъ приемныхъ комнатъ и свиты. Оставивъ свою дочь съ дворинкой, она отошла къ окну и приняла еще болѣе величественную осанку. „Государыня“, сказалъ ей тогда Горсей, — „у меня нѣтъ времени распространяться о причинѣ посольства моего къ вашему высочеству; позвольте мнѣ просить васъ сохрпнить въ тайпѣ то, о чемъ я буду говорить съ вами, имѣя въ виду одну вашу пользу“. Марья Владиміровна молчала. Горсей продолжалъ „Братъ вашъ, царь Ѳедоръ Ивановичъ, провѣдавъ о той нуждѣ, въ какой живете вы и дочь ваша, желаетъ, чтобы вы вернулись на родину; тамъ бы вы были поставлены сообразно вашему царственному рожденію и сану и получили бы приличное содержаніе, а правитель Борисъ Годуновъ съ своей стороны обязывается выполнить это“. Она отвѣчала: „Они меня не знаютъ, и я—ихъ, но вашъ видъ, рѣчь и наружность побуждаютъ меня вѣрить вамъ болѣе, чѣмъ приказываетъ разсудокъ“... Но на этихъ словахъ недовѣрчивый комендантъ велѣлъ вывести Горсея. Этотъ нечаянный перерывъ бесѣды вышелъ какъ нельзя болѣе не кстати. Марью Владиміровну взорвало: подъ вліяніемъ нахлынувшихъ чувствъ, нечаянной радости и досады она не выдержала, заплакала; глядя на нее, заплакали дочь и дворянка. Она выразила желаніе, чтобы Горсей снова добился доступа къ ней. Это ему дѣйствительно удалось, и чтобы обезоружить коменданта, онъ даже досталъ себѣ дозволеніе.

„Королева“, продолжаетъ Горсей, — „съ нетерпѣніемъ желала выслушать остальное; я также охотно сообщилъ ей все. „Вы видите, сэръ“, сказала она, — „я здѣсь какъ плѣнница; содержаніе мое самое скудное, едва тысяча талеровъ въ годъ!“ „Вы можете помочь этому, если пожелаете“. „Два важныя сомнѣнія тревожатъ меня: положимъ, я со-

¹⁾ Горсей называетъ ее Еленой; это, очевидно, ошибка.

гласилась бы ѣхать съ вами, но я не имѣю возможности бѣжать и думаю, что это очень трудно; принимаю во вниманіе и то, что король и государство хотятъ пользоваться моимъ рожденіемъ и кровью, какъ египетскими божками; а съ другой стороны, я знаю московскіе обычаи и мало имѣю надежды, чтобы тамъ поступили со мною иначе, чѣмъ какъ обыкновенно поступаютъ съ царскими вдовами, запирая ихъ въ песнопные монастыри; это мнѣ было бы хуже смерти". „Ваше положеніе совсѣмъ другое, да и времена не тѣ; теперь никого не принуждаютъ къ этому, у кого есть ребенокъ или дѣти, которыхъ нужно воспитывать“.

Хитрый Англичанинъ искусно затронулъ материнское чувство молодой королевы. Она спросила: „Какое мнѣ ручательство въ этомъ и въ томъ, что дѣйствительно такъ думаютъ тѣ, отъ имени которыхъ вы говорите?“ „Если вы согласитесь, то можете подвергнуть это опыту, а увѣренность въ успѣхъ съ вашей стороны можетъ много способствовать благополучному исходу предпринятаго вами бѣгства; нужно только, чтобы вы убѣдились и увидѣли въ задуманныхъ средствахъ возможность безопасно выполнить его“. „Я должна положить на Бога и на вашу христіанскую скромность и обѣщаніе; позвольте узнать ваше имя и приближительно время, когда это можетъ случиться?“ „Не сомнѣвайтесь, милостивая государыня; чрезъ два мѣсяца ваше высочество узнаете и то, и другое; я оставляю вамъ въ залогъ эти сто венгерскихъ дукатовъ, а чрезъ семь недѣль или около того ваша милость получите еще четыреста“.

Марья Владиміровна приняла деньги съ благодарностью. Горсей поднесъ еще двадцать дукатовъ ея дочери. На прощаньи онъ обѣ пожали ему руку, и онъ вышелъ очень счастливый своимъ успѣхомъ.

Комедантъ, удивленный, что Горсей такъ долго оставался у Марьи Владиміровны, доложилъ объ этомъ Радивиллу. „Да ну его, отвѣчалъ тотъ,—и не подозрѣвайте; вы видите, какой онъ молодой и красивый... Я желалъ бы, чтобы она досталась ему: тогда я возвратилъ бы то, чего она стоила; но на это не согласатся ни король, ни государство и за сто тысячъ дукатовъ“.

Отблагодаривъ любезнаго кардинала, Горсей поспѣшно отправился далѣе. Въ городскихъ воротахъ съ нимъ встрѣтилась аристократической наружности дѣвушка, и не говоря отъ кого, подала ему носовой платокъ съ завязаннымъ въ немъ маленькимъ перстнемъ. Платокъ и нисыменное донесеніе о своихъ успѣхахъ Горсей, когда прибылъ въ Данцигъ, находившійся вѣдѣ власти Радивилла, нарочно

отправилъ со своимъ слугой въ Москву, къ Годунову. Слѣдствіемъ того, по свидѣтельству Горсея, было, что королева и дочь были затѣмъ очень ловко похищены и отправлены на почтовыхъ чрезъ Ливонію, прежде чѣмъ замѣтили, что ихъ нѣтъ. Комендантъ послалъ за ними верховыхъ; но было уже поздно. Его отставили отъ должности и назначили на его мѣсто другаго, болѣе осторожнаго¹⁾. Довѣрять этому извѣстію нѣтъ никакихъ основаній, хотя оно до сихъ поръ принято въ нашей исторической литературѣ²⁾. Два документа, хранящіеся въ государственномъ архивѣ и изданные Московскимъ обществомъ исторіи и древности россійскихъ, съ неопровержимой достоверностію говорятъ, что никакого такого романическаго тайнаго похищенія не было. Дѣло сдѣлалось гораздо проще. Русское правительство, заручившись согласіемъ Марьи Владимировны, просило польское правительство о добровольномъ ея отпускѣ въ Россію, а послѣднее, давно уже тяготнвшееся непріятною для себя обузой, съ полною готовностію исполнило эту, давно желанную, просьбу.

Въ февралѣ 1586 года царь Ѳеодоръ Ивановичъ писалъ Радивиллу: „Доносили до нашего царскаго величества бояре наши, что присылала къ намъ бити челомъ арцимагнусовская королева княжна Марья, князя Володимерова дочь, человѣка своего Валима³⁾, просячи того, шгобъ намъ надъ ней милосурдіе свое показать, взять бы намъ ее къ себѣ въ наше государство... И мы, выслушавши челобитье ея, надъ ней милость свою показали, велѣли еси ей ѣхать къ намъ въ наше государство... Нынѣ послали еси къ тебѣ своего сына боярскаго Салтана Дубровскаго, и какъ нашъ сынъ боярскій Салтанъ у тебя будетъ, и ты бѣ къ намъ службу свою совершилъ, арцимагнусовскую королеву княжну Марью отпустилъ къ намъ въ наше государство, и проводиши ея послалъ до нашей отчины до псковскаго рубежа своихъ людей съ нашимъ сыномъ боярскимъ, какъ бы ей пріѣхать здорово“. За эту услугу царь обѣщалъ Радивиллу неоскудно держать къ нему свое жалованье⁴⁾. 25-го марта того же 1586 года

¹⁾ *Библи. д. чтен.* 1865 г., № 6, стр. 8—11: Записки о Московіи XVI вѣка, сѣра Джероми Горсея.

²⁾ См. *Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, I, 572.

³⁾ Здѣсь, вѣроятно, разумѣется присланный Горсеемъ слуга, «данцигскій поселянинъ». Имени его Горсей не называетъ.

⁴⁾ Листъ отъ князя великаго Московскаго до ея милости князя Кардинала,

кардиналь отвѣтилъ Ѳеодору Ивановичу, что его „листъ“ онъ получилъ въ г. Гроднѣ, гдѣ былъ тогда и наяснѣйшій король, „и мы“, продолжалъ Радивилль, — „донесли то къ вѣдомости наяснѣйшему и великому господарю нашему милостивому, били есмо челомъ его королевской милости, и наяснѣйшій великій государь нашъ милостивый, будучи съ вашей милостью въ доброй и братской пріязни, позволилъ съ папствъ своихъ государскихъ князю¹⁾ Марью Магнусовую при вашей милости сыну боярскому при Солтану Дубровскомъ добровольные отпустить, и ажъ до границъ вашей милости проводить; а держати есмо ее во всякой чти яко пристойтъ обычаемъ христіанскимъ“²⁾.

Марья Владиміровна разсталась съ осаждавшими ее невзгодами. Въ Москвѣ окружили ее большимъ почетомъ, дали ей свой дворъ, удѣлъ и богатое содержаніе. Жизнь наступила привольная, если только вообще можно такъ выразиться о жизни русской до-петровской женщины знатнаго рода. Но вдругъ, какъ передаетъ Горсей, — среди этого приволья послышалось раздирающее душу восклицаніе: Будеть же проклято то время, когда я повѣрила обманцику! — то былъ отчаянный голосъ убитой горемъ женщины, вдругъ лишившейся всего ей дорогаго. Русскій Татаринъ злобно перехитрилъ ее. Неизвѣстно для какой цѣли Годуновъ первоначально разыгрывалъ комедію, хотѣлъ ли онъ отвести глаза польскому правительству, или чтобы найти болѣе удобный случай очернить Марью Владиміровну въ глазахъ царя Ѳеодора и заручиться его согласіемъ на пожизненное ея заключеніе. Англійскій посоль Флетчеръ свидѣтельствуетъ, что Борисъ предложилъ ей выбрать себѣ монастырь или темницу. Марья Владиміровна выбрала первое. Ее отвезли въ Пятницкій, близъ Троицы, монастырь и постригли подъ именемъ ипокини Марѣы. Злая судьба не оставила ее и въ мрачной кельѣ: вскорѣ Марья Владиміровна горько оплакала смерть, говорятъ, не естественную, своей любимой дочери; ея единственной отрады, но сама оставалась въ живыхъ еще, не менѣе двадцати лѣтъ: по крайней мѣрѣ одинъ документъ, напечатанный во II-мъ томѣ *Актовъ Историческихъ* (стр. 286), показываетъ ее жи-

писанный о княгиню Магнусовую. *Тр. и мѣт. общ. ии и др. росс.* 1837 г., VIII, 392—393.

¹⁾ Поляки вообще не называли ее королевою, а только княжною.

²⁾ Отписъ с. м. князя кардиналовъ до в. князя Московскаго. Тамъ же, стр. 395—396.

вою въ 1609 году. Когда она скончалась—неизвѣстно. Монахи Троицко-Сергіевой лавры, какъ могли, почтили покойницъ. Гробницы ихъ они поставили въ своемъ Успенскомъ храмѣ и на гробницѣ дочери написали: „лѣта 7097 (1589), марта въ 17 день, представися благовѣрная королева Евдокея“; надпись же на гробницѣ матери: „лѣта 7105 (1597) іюня 13 дня преставися благовѣрная королева инока Марѳа Владиміровна“, какъ очевидно изъ предыдущаго, не вѣрна, и ошибка въ ней сдѣлана, вѣроятно, при ея подновленіи ¹⁾. Ливонцы-современники передали о своей королевѣ добрую память: въ ихъ разказахъ она представляется женщиной покорною и доброю, помощницей несчастнымъ сиротамъ, покровительницей ливонскимъ плѣнникамъ въ Россіи.

---

¹⁾ *Москвитянинъ* 1841 г., кн. II, стр. 557.

Д. Цвѣтаевъ.